

С. Маслинская

«ДНЕВНИК КОСТИ РЯБЦЕВА» Н. ОГНЕВА В АМЕРИКАНСКОЙ КРИТИКЕ КОНЦА 1920-х гг.*

В статье рассматривается реакция американской критики на выход «Дневника Кости Рябцева» Н. Огнева на английском языке в 1928 г. Книга была замечена прежде всего леворадикальной журналистикой, поэтому в фокусе ее внимания оказалось содержание повести с точки зрения отражения в ней образовательных экспериментов в Советской России, тем временем как литературное новаторство повести не привлекло к себе внимания.

Ключевые слова: Николай Огнев, Михаил Розанов, Александр Верт, «Дневник Кости Рябцева», детская литература 1920-х гг., критика детской литературы, эксперименты в школьном образовании, школьная повесть.

If you are interested in the new Russia in education, in life, you will find a good deal to think about in these pages.

Walter R. Brooks¹

В своей автобиографии от 17 сентября 1925 г. русский писатель Михаил Розанов написал: «Обо мне как беллетристе писали много, а будут писать еще больше»². В предлагаемом очерке я покажу, что слова писателя сбылись, но не на родине.

Первая публикация обсуждаемой повести в России появилась под названием «Гибель лорда Дальтона (Дневник Кости Рябцева)» в 1926 г., в следующем году вышло второе издание уже под названием «Дневник Кости Рябцева». Отозвались немногие: в летних номерах журнальной периодики Н. Замошкин, А. Риден, Г. Фиш и И. Рубановский опубликовали критические рецензии на вышедшую новинку³. Так же сдержанно было встречено и продолжение — «Исход Никпетожа».

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) «Воспитание нового читателя: литература для детей в педагогической критике и цензуре (1864–1934)» 15-06-10359.

В то же время реакция западных читателей была гораздо более оживленной. В архиве Н. Огнева (М. Розанова) сохранился документ, в котором писатель перечисляет страны, издавшие переводы его книги:

В Японии «Костя Рябцев» выдержал к 1930 г. шесть изданий. (Сообщение журнала «Ленинград»).

Далее, книга была переведена и издана в Чехо-словакии, Голландии, Греции, Франции, Южной Америке. В Южной Америке книга встретила особо восторженный прием (Сообщение журнала «Ленинград»).

Следующая книга «Исход Никпетожа» вышла за границей под заглавием «Костя Рябцев в университете», а в англо-саксонских странах — «Дневник коммунистического кандидата на ученые степени»⁴.

Далее Н. Огнев, отмечая большое количество критических публикаций⁵, высказывает недовольство характером критики его диалогий⁶. Не углубляясь в конъюнктурные причины этого недовольства, можно констатировать действительно оживленный интерес западных критиков к творчеству Н. Огнева. Американские рецензенты написали более десятка рецензий на новинку советского книгоиздания. Сам Огнев охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: «В Америке книга произвела сенсацию, которая тотчас приняла американские масштабы» (1935)⁷. О причинах такой популярности и об особенностях американской рецепции и пойдет в речь в этой статье.

* * *

В конце XIX — начале XX вв. в Европе, Америке и России шли однородные процессы реформирования школьного образования. Наступивший «век ребенка» поменял педагогические приоритеты: в центр образовательного процесса был помещен ребенок, а не знание и воспитание; практическая польза, а не интеллектуализм.

Образовательные реформы в Америке и в России в первое тридцатилетие XX в. проводились во многом синхронно. Американский «прогрессивизм» и русское «свободное воспитание» восходили к сформулированному еще Ж. Ж. Руссо принципу педоцентризма и рассматривали практическую деятельность детей как основу педагогического процесса. Для обсуждаемой здесь книги, особенное значение имели эксперименты Хелен Паркхерст, получившие название “dalton-plan”. Это обучение основывалось на трех принципах: свобода, самостоятельность, сотрудничество — ученики самостоятельно занимаются в индивидуальном темпе,

учителя корректируют и направляют самостоятельное освоение того или иного материала, занятия проходят не в классе, а в лаборатории, где ученики представляют свои ученические проекты. Такие школы были популярны в Америке в 1920–1930-е гг., потом их распространение пошло на убыль. В России таких школ было совсем немного и их жизненный путь был значительно короче — 3–5 лет (середина 1920-х гг.). Именно в такой школе и учился главный герой «Дневника Кости Рябцева».

Тем не менее изображение школы в детской литературе — явление более раннее. Если говорить об англо-американской традиции, то ее родоначальниками стоит считать «Школьные годы Тома Брауна» Томаса Хьюза (Thomas Hughes *Tom Brown's School Days* (1857)) и «Эрик, или Шаг за шагом» Фредерика Вильяма Фаррара (F. W. Farrar *Eric, or Little by Little* (1858)). Так или иначе, школьная жизнь попадала на страницы англо-американской детской литературы, но не становилась значимым фокусом изображения, оставаясь одним из топов развития событий в литературе о хороших и плохих девочках и мальчиках. В британской литературной традиции переворотом в изображении школьной повседневности стал «Сталки и компания» Редьярда Киплинга (*Stalky & Co* (1899)), неоднократно выходивший в Америке в 1920-е гг. Киплинг показал школьную жизнь как школу жизни, школу формирования личности в условиях насилия. Другие условия — жизнь в экспериментальных школах начала XX в. — в литературе не попадали.

Во многом поэтому выход в 1928 г. на английском языке «Дневника Кости Рябцева» произвел столь впечатляющий эффект. Мало того, что это была книга о новой Советской России, она была еще и об экспериментальной советской школе, многими своими чертами напоминавшей американские эксперименты в области образования, а в чем-то (Дальтон-план) являвшейся ее наследницей.

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ

В 1928 г., то есть на следующий год после первого издания в России, в Лондоне в издательстве Victor Gollancz Ltd. вышел первый перевод книги на английский язык. Издательство, основанное незадолго до этого, специализировалось в том числе и на издании политически актуальной литературы. Основатель издательства Виктор Голланц придерживался левых взглядов, и «Дневник Кости Рябцева» была первой (и единственной переведенной с русского языка) «левой» книгой, выпущенной вновь открывшимся издательством⁸.

Перевод был сделан Александром Вертом. Он родился в России, его семья уехала из страны сразу после Русской революции, но он сохранил симпатии к России и ее языку. Через год после «Дневника Кости Рябцева» в 1929 г. в том же издательстве он опубликовал «Дневники жены Толстого, 1860–1891» (“The diary of Tolstoy’s wife, 1860–1891”)⁹. Затем переключился на эссеистику, работал в газете “The Sunday Times” и BBC, писал о предвоенной Франции, России во Второй мировой войне, в частности, Сталинградской битве и блокаде Ленинграда.

В предисловии к первому изданию «Дневника Кости Рябцева» Александр Верт приносит слова благодарности своей супруге Фреде Хелен Лендрум (Freda Helen Lendrum) и Михаилу Осоргину. Супругу он благодарит за «неоценимую помощь в подготовке перевода» [Oгnyov 1928, p. 5], а Осоргина за «помощь в обнаружении практически недоступного биографического материала об авторе «Дневника», который напечатан на суперобложке» [Oгnyov 1928, p. 6]. По-видимому, именно Михаил Осоргин сориентировал Александра Верта. Будучи в эмиграции, пассажир знаменитого сентябрьского «философского парохода» Осоргин симпатизировал России, интересовался литературным процессом в Советской России, следил за новинками и в парижской периодике, в частности, влиятельной газете «Последние новости», публиковал рецензии и отзывы на советские литературные журналы, новинки советского книгоиздания. В конце июня 1927 г. вышла его рецензия на «Дневник Кости Рябцева» [Осоргин 1927]. Александр Верт берет за перевод, и практически сразу после публикации в Англии книга перебралась через океан в нью-йоркское издательство Payson & Clarke Ltd. Трехсотстраничная повесть о новой России вызвала большой интерес у американской критики.

Первым отозвался Роберт Литтелл (Robert Littell)¹⁰, сторонник прогрессивистского движения, побывавший в Советской России в середине 1920-х. Его статья под названием “The Diary of a Communist Schoolboy (Review)” была опубликована в “The New Republic” 20 июня 1928 г. [Littell 1928]. Затем в течение лета-осени вышло еще несколько публикаций в левых или близких к левым изданиях: “The New Masses”, “The Outlook”, “The Nation”, “American Journal of Sociology”. Несколько рецензий было опубликовано в литературно-критических журналах “The American Mercury”, “The Bookman” и “The Saturday Review of Literature”. Еще через полгода появились рецензии на вторую часть книги

Н. Огнева “The Diary of a Communist Undergraduate”, вышедшей в самом начале 1929 г. [Russia from Within and Without 1929; Kunitz 1929; Littell 1929; Ruhl 1929].

Авторы статей были по большей части левых взглядов, симпатизирующие России и тому социальному эксперименту, который она развернула после 1917 г. Например, одним из авторов рецензий была Агнес де Лима (Agnes deLima (1887–1974)), известная журналистка в области проблем образования (публиковалась в журналах “The New Republic” и “Nation”), активный участник образовательных экспериментов в духе прогрессивизма в Америке в 1920-е гг. В 1924 г. у нее вышла книга под провокативным названием “Our Enemy the Child”¹¹. Другим рецензентом был Джошуа Куниц (Joshua Kunitz (1896–1980)), переводчик на английский язык трудов Маркса и Энгельса, писавший о Советском Союзе для журнала “New Masses”, автор книг о русской литературе и «еврейском вопросе», политической истории России XX в.¹² В этом же ряду может быть названо имя Норы Мид Коркоран (Norah Meade Corcoran (1888–1954)), журналистки, писавшей для периодических изданий Ирландии и США. Мид принимала участие в Американской администрации помощи (American Relief Administration, ARA), в частности, в начале 1920-х гг. сотрудничала с Гербертом Гувером в деле оказания помощи голодающим в России. В последующие годы заметно было ее участие в популяризации скаутского движения для девочек. Редким исключением из числа общественно активных рецензентов можно назвать Уолтера Роллина Брукса (Walter Rollin Brooks (1886–1958)), который был просто детским писателем, автором серии книг о свинье Фредди. Таким образом, среди авторов рецензий в основном были те, кто непосредственно занимался прогрессивным образованием в США. И педагоги, и журналисты в большинстве своем не скрывали своих левых убеждений и симпатий к политике большевиков.

Какова же оценка этой книги? На что обратили внимание американские рецензенты?

Практически все рецензенты уделяют несколько восторженных фраз большевистскому эксперименту в целом, и школьной реформе в частности¹³. Успешность образовательной реформы ставится в прямую зависимость от реформирования всего строя. Как утверждает Агнес де Лима:

Если вы хотите реформировать национальные школы, вы должны сначала реформировать само общество. Весьма наглядным

доказательством этого служат школьные реформы, которые были проведены в Европе после войны. Ибо именно в той стране, где социально-экономический переворот был наиболее полным — в Советской России, — реформа образования представляется наиболее динамичной и значительной [deLima 1928, p. 236]¹⁴.

И далее она ссылается на известную книгу Люси Вилсон «Новые школы новой России» [Wilson 1928]:

Впервые в современной истории новая школа выросла из народного этоса. Впервые в истории у народа появился новый культурный идеал, на основе которого можно строить. Впервые в истории просвещение народа расцветает из естественной жизни и опыта одного поколения [deLima 1928, p. 236].

Левые критики приветствовали ситуацию, в которой школьное реформирование зашло так далеко, что затронуло не только классно-урочную систему, но и способствовало трансформации самого нового советского гражданина. Так, не ссылаясь на аналогичные эксперименты Хелен Паркхерст и не особенно останавливаясь на обсуждении достоинств и недостатков Дальтон-системы в новой советской школе, рецензенты приводят замечательные цитаты о борьбе с «Лордом Дальтоном» и на этом ограничивают анализ собственно школьных реформ [Littell 1928, p. 119], [Mead 1928, p. 111]¹⁵. Кто-то вовсе отказывается видеть общность образовательных экспериментов в России и в Америке, как Вальтер Брукс [Brooks 1928, p. 397], или, напротив, Агнес де Лима, которая заявляет, что «в России образование в буквальном смысле избыточнее», чем в Америке [deLima 1928, p. 238]. А кто-то, как анонимный автор журнала “American Journal of Sociology”, видит их изоморфность: «В целом, русская школа, кажется, работает, как наша современная экспериментальная школа» [The Diary 1929, p. 343]. Более того, сам переводчик Александр Верт относит сленг советской школы на счет «американизации»: «Сокращение слов и широкое использование политехнического жаргона иллюстрируют новую русскую тенденцию к «американской» эффективности, с одной стороны, и мощное влияние на разговорный язык технической и промышленной пропаганды, с другой» [Werth 1928, p. 5].

Рецензенты обращаются с «Дневником Кости Рябцева» как достоверным источником знаний о жизни пореволюционной России. Литературные свойства жанра дневника игнорируются. Критиков настолько увлекает явленное Н. Огневым «изобилие эпохи»

(“the abundance of the epoch”) [Littell 1928, p. 120], что они обобщают новый культурный опыт Страны Советов за счет сюжетных и персонажных особенностей книги Огнева. Так, Артур Рул пишет:

По сути, школа — это почти микромир современной России. «Черная Зоя», с ее истерическими припадками и ее любовью к кладбищам и призракам, является своего рода детским изводом сохранившегося мракобесия старых времен. Лину, немного более «левую», возможно, можно отнести к представителям старомодного «сентиментального» либерализма, а Сильва с ее ясным взглядом и прямоотой представляет большевистское понимание женщины будущего. Сам Рябцев, с его нетерпением к тому, что он считает фальшивым, с его самоуверенностью и его настойчивым стремлением «вникнуть в суть вещей» (согласно истинному «Евангелию», под которым он понимает экономический детерминизм), представляет собой менее сообразительного, неловкого, но энергичного мужского двойника Сильвы [Ruhl 1928, p. 37].

Сходную типологию подростков середины 1920-х гг. выстраивали на основе содержания книги и советские критики (Н. Замошкин, А. Риден). И в то же время то, что советским критикам казалось слабым местом книги: «В поведении Кости громадную роль должна играть внешкольная обстановка: семья, улица, домашнее чтение и пр. Раскрыта же эта тема мимоходом, двумя-тремя намеками [Замошкин 1927, с. 180], американские эксперты оценивают иначе. С точки зрения рецензента “Public Ledger”, Н. Огнев «...убедительно правдив. Книга Огнева не замыкается в узкие рамки наряду со школьной жизнью, словно случайно автор дает понятие о семейных и бытовых взаимоотношениях школьников (семья Сильвы). Книга не только произведение искусства, но и социальный документ мирового значения»¹⁶.

Помимо откровенной заинтересованности в социальной репрезентативности «Дневника Кости Рябцева», американские рецензенты оценивают то, как Н. Огневу удалось изобразить становящийся характер подростка, рост его самосознания. Практически все рецензенты указывают на то, что книга Н. Огнева — это “a human document” [Littell 1928, p. 119]. И вот тут стоит еще раз подчеркнуть интересную черту американской рецепции книги: все рецензенты, действительно, отнесли к «Дневнику Кости Рябцева» как к документальному письму, проигнорировав его экспериментальную литературную природу. Если Н. Замошкин и О. Мандельшам пытались разобраться в экспериментальной художественной природе повести (и дали диаметрально противоположные оценки успешности этого эксперимента), то мало кто из американских экспертов высказывался

по поводу литературных свойств книги и ее места в литературном процессе России и Запада. Так, Джошуа Кунитц, обсуждая уже вторую книгу Н. Огнева о Косте Рябцеве, пытается выстроить типологию русских литературных героев. Перечисляя героев русской классики — Онегины, Печорины, Рудины, Обломовы, Карамазовы и Санины, — он утверждает, что эти герои «не находят полезного выхода своей энергии, погружены в бесплодные сексуальные размышления, вымороченный самоанализ и мистические измышления» [Kunitz 1929, pp. 172–173]. И далее он продолжает: «Жизнь изменилась и герои изменились. Герой современной России, безусловно, не интроверт» [Kunitz 1929, p. 173]. С его точки зрения, Костя Рябцев — это герой нового времени, и психологически, и социально далекий от героев русской классики. Мандельшам, проводя те же параллели (сравнивая Костю Рябцева с «героем и вечным именинником сборных гимназических книг» Карташевым Н. Гарина-Михайловского), напротив, отказал Н. Огневу в умении передать облик современного пролетарского юноши: «Ведь жизнь напирает на Рябцевых со всех сторон, а если вспомнить, что Костя сын кустаря и не оберегался никакими гувернантками, то читателя будет раздражать, а подчас и бесить его ангельская прямолинейность, чистота и наивность. Не таковы пролетарские дети — и беды в этом нет» [Мандельшам 1929]. То, что в глазах американской критики является типологическим единством (рефлектирующие герои), для отечественного писателя — неуместное сопряжение героев различного социального типа и, соответственно, дискурса.

Американские рецензенты сравнивали Костю Рябцева и со своими литературными героями, впрочем, только с Гекльберри Финном (“a sort communistic Huck Finn” [Littell 1929, p. 366]). Других аналогий не встречается, хотя, конечно, американская школьная повесть, в том числе в дневниковой форме, уже существовала¹⁷.

Как сам Огнев отнесся к эти рецензиям? Он был и польщен, и напуган одновременно. Как художнику ему было, конечно, приятно, что его заметили читатели других стран, что перевод его книги победоносно шествует по миру, а, с другой стороны, по его реакции видно, что он боялся:

Буржуазная пресса набросилась на книгу с еще большим сладострастием, вырывая и цитируя отдельные страницы книги, отмечавшие негативные стороны жизни советского студенчества¹⁸.

В условиях становления сталинского тоталитаризма, такая популярность на Западе могла обернуться против него, поэтому он писал, что его неправильно поняли. В то же время у себя на родине, как я писала выше, его книга не пользовалась таким оживленным интересом у критиков и читателей. Никакого ажиотажа, сопоставимого с реакцией американских критиков, никаких дискуссий «Дневник Кости Рябцева» в России не породил.

У такого замалчивания и невнимания могло быть несколько причин.

Изменилось отношение к школьным экспериментам 1920-х гг.: к концу 1920-х гг. эксперименты сворачивались, на место единой трудовой школы возвращалась дореволюционная модель образовательного процесса, а в начале 1930-х эта реставрация была узаконена хорошо известными партийными постановлениями¹⁹. И в этом свете кажется закономерным то, как Н. Огнев пишет о невозможности успеть за изменениями в советской «действительности»:

Отношение к материалу — главный рычаг литературной работы. Этот рычаг создается из мировоззрения. Двойственен тот писатель, которому кажется, что мировоззрение он перестроил, а отношение к материалу у него остается прежним. И этот разлад, мне кажется, был присущ большинству писателей-интеллигентов, известных в свое время под ярлыком «попутчиков». Теперь отношение к материалу меняется. Медленно? Слишком медленно? Верно, не быстро. Но ведь мы живем при небывалом в истории прорыве в будущее, и человеческое сознание не в силах охватить и отразить его быстро²⁰.

Творческий кризис Н. Огнев склонен объяснять своим собственным отставанием от «требований времени», тем не менее здесь проблема переходит в другую плоскость: писатель, следуя установке на документализм, действительно, будет неизбежно отставать, но меняется и идеологическая ситуация вокруг литературы. Психологическая и бытовая натуралистичность перестают быть востребованы. 1927–1932 гг. — это время отказа от формальных экспериментов в литературе, время гонений на любые поиски в области жанровых и стилистических форм, время введения титульного стиля — соцреализма, под определение которого «Дневник Кости Рябцева» не подходил: герой был слишком раскованным, выставляющим напоказ свое декадентско-мещанское нутро, а психологизм и натуралистические приемы изображения в целом были отвергнуты (ср.: [Надточий 2014, с. 88]).

Краткий очерк особенностей американской критики «Дневника Кости Рябцева» обнаруживает интересный эффект в межнациональных литературных контактах: книга у себя на родине остается в тени, а в другой стране в нее энергично «вчитывают» свои смыслы и вкладывают свою прагматику — это ознакомительное пособие с Советской Россией и ее молодежью. Но как заключил свою рецензию Роберт Литтелл: «Каждый, у кого есть дети, каждый, кто был ребенком, должен прочитать «Дневник Кости Рябцева» [Littell 1928, p. 120]. В такой адресной атрибуции Литтелл сходился и с отечественными критиками, которые считали, что книга адресована прежде всего взрослым: педагогам и родителям [Риден 1927, с. 141]. Однако обстоятельства истории советской литературы рубежа 1920–1930-х гг. привели к тому, что «Дневник Кости Рябцева» провалился в некую рецептивную яму, из которой его извлекли уже Лев Кассиль, написавший предисловие к изданию 1966 г., и избранные читатели 1960–1970-х гг., тем временем как в Америке выход переиздания в 1973 г. остался и вовсе незамеченным.

Примечания

¹ Уолтер Роллин Брукс [Walter Rollin Brooks] (1886–1958) американский писатель и редактор, автор серии повестей для детей «Фредди» («Фредди и космический корабль», «Фредди и человек с Марса», «Фредди и бейсбольная команда с Марса»), романа «Джимми берет уроки исчезновения».

² РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 117. Л. 10. Выражаю глубокую признательность Ольге Виноградовой за предоставленные в мое пользование материалы архива.

³ [Замошкин 1927; Риден 1927; Рубановский 1927; Фиш 1927]. Чуть позже, уже на вышедшее собрание сочинений Н. Огнева откликнулся Осип Мандельштам [Мандельштам 1929].

⁴ РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 221а. Л. 7. В Советской России его книга не имела такого оглушительного успеха: она была переиздана семь раз в период с 1926 по 1932 гг., а потом надолго забыта. Следующее советское издание состоялось только в 1966 г. В Америке повесть была переиздана один раз — в 1973 г.

⁵ Из архива М. Розанова: «Буржуазная пресса набросилась на книгу с еще большим сладострастием, вырывая и цитируя отдельные страницы книги, отмечавшие негативные стороны жизни советского студенчества. Но выходка “Фоссише Цейтунг”, поместившей речь Никпетожа под заголовком “Трагикомедия русской интеллигенции” с соответствующим “ученым гарниром”, предпосланным отрывку, заставила меня послать в “Известия” и в “Роте Фане” письмо, разоблачавшее подобный рода подтасовки. Вторая книга имела не меньшее распространение и не меньшую прессу, чем первая» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 221а. Л. 7].

⁶ Из архива М. Розанова: «В то время, как передовая печать со злорадством выискивала в “Дневнике” негативные моменты и на их основании констатировала якобы “полное неблагополучие в советской школе”, — левая, и особенно коммунистическая печать, приветствовала книгу, как первый роман о новом поколении в Советской России» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 112. Л. 1].

⁷РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

⁸Кимберли Рейнолдс приводит полный список «левых» изданий для детей, выпущенных издательством Виктора Голланца [Reynolds 2016, p. 13].

⁹The Diary of Tolstoy's wife: 1860–1891. Trans. Alexander Werth. London: Gollancz, 1928.

¹⁰Роберт Литтелл — сын Филиппа Литтелла, редактора журнала “The New Republic” (гл. ред. Герберт Кроули), платформы прогрессивизма (Подробнее о месте и роли журнала в истории политики прогрессивизма США см. [Levy 1984]). В 1922–1928 гг. Роберт Литтелл был помощником ред. журнала [Mott 1968, p. 191].

¹¹Эта книга посвящена школе прогрессивистского толка. Впоследствии Агнес Де Лима продолжала сотрудничать с «прогрессивными школами» и их преподавателями; результатам образовательных экспериментов, в которых она принимала участие, были посвящены ее книги 1940-х гг.: “A School for the World of Tomorrow” (1939), “Democracy's High School” (1941), “South of the Rio Grande: An Experiment in International Understanding” (1942), “The Little Red Schoolhouse” (1942). С 1940 по 1960 гг. Агнес де Лима была директором по связям с общественностью Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке (The New School for Social Research (NSSR)).

¹²Kunitz Joshua Russian Literature and the Jew: A Sociological Inquiry into the Nature and Origin of Literary Patterns. New York: Columbia University Press, 1929; Kunitz Joshua Russia, the giant that came last. New York: Dodd, Mead, 1947.

¹³Впрочем, нельзя забывать, что многое зависело от политической ангажированности журнала, в котором публиковались рецензии, и от изменений отношения американских публицистов к Советской России. Так, если в 1929 г. в журнале “American Journal of Sociology” мы видим дружелюбное отношение к школьным экспериментам, и они практически приравнены к американским экспериментам [The Diary 1929, p. 363], то уже в 1932 г. отношение журнала к советской школе как пропагандисту коммунистических идей куда более сдержанное и даже раздраженное [Woolston 1932].

¹⁴Здесь и далее цитаты из рецензий, опубликованных в американской прессе, приводятся в моем переводе.

¹⁵Из всех рецензентов наиболее развернуто характеризует новую образовательную систему Агнес де Лима в своей статье «Школы революции» [de Lima 1928].

¹⁶РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 221а. Л. 1.

¹⁷В качестве наиболее близкого сопоставительного материала можно назвать произведения Джин Уэбстер (Jean Webster) «Когда Пэтти пошла в колледж» (*When Patty Went to College* (1903)) и в особенности эпистолярную повесть «Длинноногий дядюшка» (*Daddy-Long-Legs* (1912)), имевшую большую популярность в Америке 1910–1920-х гг.

¹⁸РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 221а. Л. 7.

¹⁹Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (1931); Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (1932); Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы» (1933); Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» (1934); Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» (1935) и др.

²⁰РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 112. Л. 4–5.

Источники

Ognyov N. The Diary of a Communist Schoolboy. Trans. Alexander Werth. London: Victor Gollancz. 1928.

Замошкин Н. Изобилие эпохи // Новый мир. 1927. № 6. С. 174–181.

Мандельштам О. Сквозь розовые очки. Рец.: Н. Огнев, собрание сочинений, том третий. Третья группа. Разбойничий форпост (Дневник Кости Рябцева). Книга первая. Изд-во «Федерация», 1929 г. // Московский комсомолец. 1929. 22 сент.

Николаев Н. Умственные диалоги об учителях-писателях и о писателях из учителей. [Р. Акульшин, С. Ауслендер, С. Розанов, А. Чумаченко, В. Смирнова] // Народный учитель. 1934. № 1. С. 122–129.

Осоргин М. Строители будущего. Рец.: Огнев Н. Дневник Кости Рябцева. Изд. «Молодая гвардия». Москва, 1927 // Последние новости. 1927. 30 июня. № 2290.

Риден А. Советский подросток и школа в художественной литературе [«Дело о трупе» Г. Алексеева и «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева] // Народный учитель. 1927. № 7–8. С. 139–142.

Рубановский И. О Косте Рябцеве и его дневнике // Молодая гвардия. 1927. № 6. С. 178–184.

Фиш Г. Н. Огнев. Дневник Кости Рябцева // Звезда. 1927. № 7. С. 167.

Brooks Walter R. The Diary of a Communist Schoolboy by N. Ogniyov // The Outlook. 1928. July 4. Pp. 397–400.

The Diary of a Communist Schoolboy by N. Ogniyov // American Journal of Sociology Volume 35, Number 2, 1929, Sep., p. 343.

Kunitz Joshua Russia Moves On (Review). The Diary of a Communist Undergraduate, by N. Ognev // The Nation. August 14. 1929. Pp. 172–173.

deLima Agnes The Schools of Revolution // The Bookman. October 1928. Pp. 236–238.

Littell Robert The Diary of a Communist Schoolboy, by Nikolai Ogniyov (Review) // The New Republic. 1928. June 20. Pp. 118–120.

Littell Robert The Sequel to «The Communist Schoolboy» (Review). The Diary of a Communist Undergraduate, by Nikolai Ogniyov (Review) // The New Republic. 1929. May 15. Pp. 366–367.

Mead Norah Schoolroom Chaos (Review) The Diary of a Communist Schoolboy, by Nikolai Ogniyov // The Nation, August. 1, 1928, pp. 111–112.

Ruhl Artur The Schoolboy of Russia. The Diary of a Communist Schoolboy by N. Ogniyov // The Saturday Review of Literature. 1928. Aug 11. P. 37.

Ruhl Artur Soviet Days (Review) by Arthur Ruhl The Diary of a Communist Undergraduate, by N. Ognev // The Saturday Review. August 3. 1929. P. 20.

Russia from Within and Without Diary of a Communist Undergraduate. N. Ogniyov // The Spectator. February 23. 1929. P. 36.

Werth Alexander Translator's note // The Diary of a Communist Schoolboy by N. Ogniyov. London: Gollancz, 1928. Pp. 5–6.

Woolston Howard Propaganda in Soviet Russia // The American Journal of Sociology, Vol. 38, No. 1. (Jul., 1932). Pp. 32–40.

Исследования

Levy David W. Herbert Croly of the New Republic The Life and Thought of an American Progressive. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Mott Frank Luther A History of American Magazines, Volume V: 1905–1930. Harvard University Press, 1968.

Reynolds Kimberley Left Out: The Forgotten Tradition of Radical Publishing for Children in Britain 1910–1949. Oxford: Oxford University Press. 2016.

Wilson Lucy L. W. New Schools of New Russia. New-York: Vanguard Press, 1928.

Надточий Э. Тимур и его арсана: социально-антропологическое значение советской «революции детства» в 1920–30-е годы // Социология власти. 2014. № 3. С. 81–98.